

Евгений КОТЛЯКОВ, школа № 19, Краснодарский край,
Северский район, пос. Октябрьский

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Однажды мама пришла с работы с двумя стопками аккуратно перевязанных книг. Она сказала, что книги предложила ей одна сотрудница, у которой дети давно выросли. Сотрудница затеяла ремонт в своей квартире, и книги ей мешали.

Книг было довольно много, я быстро пересмотрел их все. Мое внимание привлекли четыре книжки в переплетах цвета хаки. В верхней части обложки красными буквами была написана фамилия автора — Аркадий Гайдар. Я сразу вспомнил, что в детстве мама читала мне интересную историю про Чука и Гека, которую написал А.Гайдар. А тут целых четыре книжки этого писателя!

Я принялся рассматривать содержание, то есть последнюю страницу книг с перечнем всех рассказов, помещенных в них. Выбрал несколько заинтересовавших меня и принялся читать: «Четвертый блиндаж», «Р.В.С.», «Патроны», «Военная тайна». В этот день я читал не отрываясь несколько часов подряд. Рассказы и повести Гайдара увлекли меня. Особенно понравилась мне повесть «Военная тайна». Почему погиб Алка? Почему повесть, в которой нет ни строчки о военных событиях, называется «Военная тайна»? Эти вопросы мучили меня. От напряженного чтения и от мыслей, одолевавших меня, у меня разболелась голова.

Я вышел прогуляться. Вечерело. Ветер гнал по небу серые тучи. На улице было мало народу. Я оказался в парке. Он был пуст. Ноги сами принесли меня к мемориалу, который находится в центре парка. За низенькой чугунной оградой на пьедестале из камня высится стела из бетона, выкрашенная красной краской. Слева горельеф с изображением ордена Отечественной войны. Сверху надпись золотыми буквами: «Они сражались за Родину. 1941–1945 гг.» По центру в стелу вмонтированы три доски из серого мрамора. На них выбиты фамилии жителей нашего поселка, которые погибли, защищая Родину в годы войны.

У подножия стелы — две квадратные металлических доски. На одной из них читаю: «Юный партизан В. Гуков. 1929–1943 гг.» И тут меня осенило: «А ведь это мальчик! И ему было всего 14 лет! Кто же он? Почему погиб? Почему похоронен здесь?»

Ни мама, ни бабушка не смогли ответить на мои вопросы и посоветовали обратиться к моей прабабушке. Ей 90 лет, но у нее ясный ум, и она хорошо помнит многие события ВОВ. Вот что она рассказала.

В августе 1942 г. наш Северский и соседний Абинский районы были оккупированы немцами. Наша армия отступила в горы и заняла там оборону. В горах стали действовать партизанские отряды. В нашем поселке Октябрьском была создана группа ребят 14–15 лет. Через партизан — связанных деда Усика и П.П. Юрьева ребята держали связь с партизанским отрядом. Они ходили в горы к красноармейцам, носили еду и боеприпасы и рассказывали партизанам о расположении немецких войск. Но со временем немцы ужесточили порядок. В поселке стала действовать комендатура и был введен комендантский час. По поселку стали рыскать полицаи. Выполнять задание партизанам стало сложнее.

Володя Гуков был связным партизанского отряда «Орел». Он часто появлялся в поселке и порой попадал в очень трудные ситуации. Как-то раз, когда полицейские схватили Володю и повели в комендатуру, на них набросилась местная жительница, мать Петра Ткаченко (тоже партизанского связного) и, замахаясь на полицейских венником погнала Володю с деланой руганью в свой дом. Полицейские были не местные жители и подумали, что мать увела своего сына. Так В. Гуков был спасен от верной гибели. А шел он с заданием к менгрельским партизанам.

Но однажды в центре поселка он увлекся игрой мальчишек и не заметил, как сзади к нему подошел полицай. В комендатуре Володю допрашивал немецкий офицер в присутствии полицаяев. Молчал юный партизан, ни слова не сказал о партизанах и о своем задании. Выдержал все пытки. Разъяренный полицай схватил его за ворот пиджака и почувствовал, что в воротнике есть бумага. Там была зашифрованная записка.

После долгих пыток юного партизана вывели на окраину поселка к обрыву глиняного карьера и расстреляли. С наступлением темноты жители поселка похоронили Володю.

К 20-летию Победы дирекция совхоза приняла решение перезахоронить останки В. Гукова в парке поселка и соорудить мемориал «Они сражались за Родину».

Когда я узнал историю мальчика-партизана, мне стало легче. Я нашел ответы на вопросы, которые мучили меня много дней после прочтения повести А. Гайдара «Военная тайна».

Да, очень жаль, что погиб маленький Алька, жаль, что погиб храбрый Мальчиш. Но время было таким жестоким, что иначе и быть не могло. Почему у повести такое название — «Военная тайна»? Конечно же, есть у нашей страны тайна. И никогда ее не разгадать нашим врагам. И тайна эта в том, что когда проходит беда, то на защиту страны встают все: и взрослые, и дети.

Я хочу закончить свой рассказ словами Гайдара:

Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают летчики — привет Мальчишу!
Пробегут паровозы — привет Мальчишу!
А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

Мальчишу Альке, Мальчишу Володе Гукову и многим другим известным и неизвестным мальчишам нашей любимой России, которую ни умом не понять, ни аршином не измерить, в которую нужно только верить, что ее ждет прекрасное будущее.

О.В. САЛТЫКОВА, МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5» —
«Школа здоровья и развития»

НЕОКОНЧЕННЫЙ РЕПОРТАЖ

Когда мне было лет шесть-семь, я мечтала стать журналисткой. Часто находила предмет, похожий на микрофон, и брала интервью у тех, кто мне в то время попадался. Но больше всего я любила беседовать с прадедом.

— Представьтесь, пожалуйста, — серьезно говорила я.

— Грязнов Александр Иванович, — в тон мне отвечал дедуля.

— Неужели, Александр Иванович, и вы были молодым?

— Был, внученька, был. Только молодость мою война с собой забрала, — грустные нотки появлялись в его голосе.

— А что такое война? — досаждала вопросами я. Дедушка надолго задумывался, пытаясь найти подходящие слова для детского ума, а потом, глядя меня по голове, отвечал:

— Война, Юлечка, — это кровь, боль, смерть... Только тебе, моя хорошая, лучше не знать этого никогда.

Разговор прерывался, и, спустя время, прадедушка виновато уходил, унося с собой какой-то груз в сердце.

Но дня через два-три я вновь была журналисткой.

— Дедулечка, расскажи мне, а как ты на войну попал?

— Все произошло неожиданно-негаданно. 22 июня 1941 года возвращались мы с твоей прабабушкой с вечерки, присели на скамеечку, идти домой не хотелось. Вот уж воистину: «...как учительны в России вечера». Стояла удивительная тишина, небо помаргивало редкими звездами, шелестели березы, и ветер разносил запах их сока по всей округе. Такое несказанное счастье разливалось вокруг! Не знали мы тогда, что между миром и войной всего несколько минут осталось! А после...

Голос прадедушки дрожал и обрывался.

— После... расцветало ясное, росистое утро. Этим же утром я и отправился в военкомат. Потом провел два месяца в Омском танковом училище, ну, а затем оказался на фронте. Противно и странно это было тогда всему моему естеству! Да только молодо-зелено еще было у меня на душе. Верил с легкомыслием, что уже к осени война кончится, что советская армия в два счета уничтожит врага. Верил, да ошибался.

— А на войне страшно? — с неподдельным интересом спрашивала я.

— Очень страшно. Мы на своем танке и воевали, и в разведку ходили, и немецких языков приводили. Вокруг взрываются бомбы, гранаты, видишь, как рядом падают твои боевые товарищи, сраженные пулеметной дробью, а идешь

вперед, потому что знаешь, что уступить врагу Отчизну — весь мир отдать. А дома ждет любимая жена, и внутренне решаешь для самого себя: пусть буду я убит, пусть замолчу навсегда, пусть... Лишь бы горе не заглянуло никогда в ее дом, в ее глаза, в ее сны... Прабабушка твоя всегда была той женщиной, чьей поддержкой и верностью я жил.

Проходит несколько минут, и мы снова продолжаем беседу. Называет дедуля в разговоре направление фронта, генерала, который этим фронтом руководил, да только мне, еще маленькой и совсем не знающей жизни, не понять, что хорошо бы все это запомнить.

Я прошу:

— Рассказывай дальше, танкист Грязное.

— Никогда не забуду я своих однополчан. Они погибали у меня на глазах, совершая настоящие подвиги. Однажды у днепровской переправы ниже Кременчуга мы попали в засаду. Фашисты поливали смертоносным свинцом всех, даже раненых на повозках, хотя белые полотнища с красными крестами были заметны издалека. Может, давно бы я лежал в земле, если бы не Николай Бражник, мой лучший друг на фронте, не заслонил меня собой. Сергей Багрицкий, наш разведчик и радист, погиб с самого начала войны, написав незадолго до этого письмо своей жене и трем детишкам о том, что он скоро вернется домой, но не вернулся. В тот же день его отправили в разведку (это был последний раз, когда я его видел). Услышав шум, фашисты включили пулеметную очередь по Багрицкому. Она сбила его с ног, но он, завидев недалеко одиноко сидящего немца, что есть силы, наперекор боли и крови, хлопавшей в сапогах, пополз к нему. Навалившись на немца, он связал и обезоружил того, выпытав нужные сведения для нашей армии. Когда Багрицкий достал связной аппарат, он уже видел над собой врагов. Он...все-таки успел. Да, успел доложить все командиру, отдав ради этого дела жизнь. Двое немцев изрубили его тело. А он хватался за лезвия ножей, с его разрезанных до костей ладоней текла кровь. Он все кричал и кричал, а немцы, хлестая его по лицу, еще несколько минут не могли добить солдата. Так погибают настоящие русские воины. В Кенигсберге Ванька Кулемин, совсем еще молодой парнишка, бросился с гранатой под вражеский танк. Со взрывом его отбросило в сторону, оторвав ноги. Умер он в считанные секунды, умер с чистой совестью, выполнив долг солдата. Вот так, прокладывая мои друзья собой живую дорогу к победе.

На глазах бабушки появилась слезная поволока. Переждав немного, он снова стал рассказывать.

— Много еще было смелых бойцов на фронте, всех не перечислишь. Снятся они мне всю мою горькую жизнь. Спрашивают: «Как там, цветут ли яблони без нас? Сеют ли пашню без нас? Любят ли девчат без нас?» И просыпаюсь я в холодном поту, и рано утром иду к памятнику погибшим, даю отчет о том, как живут живые.

Хмурятся брови фронтовика, встает он с дивана и просит:

— Нарви-ка цветов, дорогая. Пойдем, проведем друзей. И уже у памятника договаривает свой сказ:

— Много мест я повидал за войну. В Берлине мне не повезло. 8 мая 1945 года, когда уже и договор о безоговорочной капитуляции Германии был подписан, ехали мы по городу на танке, я с друзьями наверху сидел.

Вдруг шальная вражеская пуля откуда-то с крыши многоэтажного дома попала мне в плечо. Досадно: все однополчане домой поехали, а я в госпитале еще три месяца провалялся. Поплакала твоя бабуля, ожидая меня с войны. Досталось ей.

Прошли годы. Умер мой любимый прадед в ясный зимний день. Высоко стояло желто-ослепляющее солнце. Все было обласкано светом, словно сама природа прощалась с ним. Он стал частицей земли, отвоеванной с боем, той земли, на которой он жил всем сердцем. На похоронах вынесли на подушечках все награды бывшего фронтовика. Это были многочисленные ордена и медали за смелость и мужество. Выходит, и мой прадед был в числе тех храбрецов, которые рисковали своей жизнью ради свободы Родины? Да, это действительно было так. Для него не существовало «я», зато было «мы», так и сохранившееся на всю жизнь. Он шел на войну не умирать, а жить, спасти Отчизну, которая была его мужеством, жизнью и неизменной судьбой. Он доказал верность самому близкому, родному, живому, как человек, существу — родной стране. И это главное. Его подвиги никогда не были для него чем-то особенным. Просто так должно было быть. Так должен поступать любой солдат. Сейчас мне до слез обидно, что когда-то в силу своего возраста я не разглядела в нем героя Великой Отечественной Войны. Главное о прабабушке я так и не узнала. Жаль, мой репортаж остался незаконченным.